

СОЧИНЕНИЯ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

Стефан

Малларме

1995
МОСКВА
«РАДУГА»

ОСЕННЯЯ ЖАЛОБА

С тех пор, как Мария покинула меня, чтобы удалиться на другую звезду — куда? на Орион? на Алтаир? или на тебя, зеленая Венера? — мне было постоянно мило одиночество. Сколько дней провел я одиноко с моей кошкой. Говорю «одиноко», подразумевая, что здесь не было другого материального существа: моя кошка тоже подруга мистическая — это моя мысль. Итак я могу сказать, что провел много долгих дней одиноко с моей кошкой и одиноко с одним из последних латинских авторов времен упадка; потому что с тех пор, как светлого создания более нет, я люблю как-то болезненно и исключительно все то, что можно определить словом «отцветание». Так в году мое

любимейшее время — это последние, истомленные дни лета, за которыми уже прямо следует осень, а в дне — тот час, когда я совершаю обычную прогулку и когда солнце замирает у горизонта, перед тем как скрыться совсем, блестя желтою медью на серых стенах, а красною на оконных стеклах. Подобно этому той литературой, где мой ум будет искать наслаждений, окажется борющаяся со смертью поэзия последних мгновений Рима, впрочем настолько, чтобы она ни в коем случае не вдыхала обновляющего приближения варваров и вовсе еще не лепетала бы младенческой латыни первой христианской прозы.

Итак, я читал одну из этих милых поэм, в которых блеск румян имеет для меня больше очарования, чем розы молодости, и держал руку в мягкой шерсти светлого животного, как вдруг уныло и протяжно запела под моим окном шарманка. Она играла в большой аллее из тополей, листья которых кажутся мне поблекшими даже весной, с тех пор, как их миновала Мария с длинными восковыми свечами, миновала в последний раз. Инструмент печальных! да! в самом деле: фортепьяно блещет, скрипка отверзает свет для растерзанной души, но шарманка заставляет меня мечтать безнадежно в сумерках воспоминания. Теперь она наигрывала веселенькую, вульгарную арию, от которой радостно бьются сердца предместий, арию устарелую, банальную; почему же эти звуки проникали в мою душу и заставляли меня плакать, как романтическая баллада? Я не спеша наслаждался ими и не бросил ни одного су за окно, из боязни нарушить свое настроение и увидеть, что инструмент пел не один.

Перевод В. Брюсова